REFERENCES

1. *Bezgin V. B*. Krest'janskaja povsednevnost' (traditsii kontsa XIX — nachala XX veka). M.; Tambov: Izd-vo Tamb. gos. teh. un-ta., 2004. 304 s.
2. *Borodin D. N*. Vserossijskij sjezd dejatelej po bor'be s p'janstvom. SPb., 1909. 120 s.
3. *Voronov D. N*. Alkogolizm v gorode i derevne v svjazi s bytom naselenija: Obsledovanie potreblenija vina v Penzenskoj gubernii v 1912 g. Penza: Tip. A. I. Rappoporta i K°, 1913.
4. GARF. F. 102. Op. 76. D. 411. L. 15, 120, 143.
5. GARF. F.102. Op. 76 b. D. 411. L. 10–184.
6. GARF. F.102. Op. 76 b. D.510. L. 1–2, 12, 18.
7. GARF. F.102. Op. 76 b. D. 534. L. 25–26.
8. GARF. F. 102. Op. 76 b. D. 530. L 3, 46 ob.
9. GARF. F. 102. Op. 302. D. 170. L. 33, 94.
10. *Grigor'ev N. I.* Alkogolizm i prestuplenija v Sankt-Peterburge. Po materialam Sankt-Peterburgskih gorodskih bol'nits i arhiva Sankt-Peterburgskogo okruzhnogo Suda. SPb.: Tip. P. P. Sojkina, 1900. 245 s.
11. *Dembo L. I*. Ocherk dejatel'nosti komissii po voprosu ob alkogolizme za 15 let. 1898–1913. SPb., 1913.
12. Zarudnyj M. I. Zakony i zhizn'. Itogi issledovanija krest'janskih sudov. SPb., 1874. 224 s.
13. Kazennaja prodazha pitej. SPb., 1900.
14. *Mironov B. N.* Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII — nach. XX vv.): V 2 t. T. 1. SPb., 1999. 548 s.
15. *Mendel'son A*. Itogi prinuditel'noj trezvosti i novye formy p'janstva. SPb., 1916.
16. *Nemiro O. V*. Pervomajskie prazdniki v Peterburge perioda pervoj rossijskoj revoljucii. V kn.: Novoe o revoljucii 1905–1907 gg. v Rossii. L., 1989. 167 s.
17. *Nizhegorodcev M. N.* Alkogolizm i bor'ba s nim. SPb., 1909.
18. Pervushin S.A. Opyt teorii massovogo alkogolizma v svjazi s teoriej potrebnostej. SPb., 1911. 36 s.
19. *Pryzhov I. G.* Istorija kabakov v Rossii. M.: Eksmo, 2009. 352 s.
20. Trudy Komissii po voprosu ob alkogolizme, merah bor'by s nim i dlja vyrabotki normal'nogo ustava zavedenij dlja alkogolikov. V. XII. Vyp. 1898–1913.
21. Trudy Pervogo Vserossijskogo sjezda po bor'be s p'janstvom. T. 1–3. SPb., 1910.
22. Trudy Vserossijskogo sjezda prakticheskih dejatelej po bor'be s alkogolizmom. T. 1–3. SPb., 1914–1916.

Ю. Ю. Гранкин

КОЛОНИЗАЦИОННОЕ ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Рассматриваются процессы переселения в северокавказский регион различных категорий колонистов, ставших важной силой в развитии экономического потенциала края, дается оценка роли российской администрации в создании условий по привлечению на Северный Кавказ людских ресурсов.

Ключевые слова: колонизация, переселенческое движение, кавказское наместничество.

Yu. GRANKIN

THE COLONIZATION OF THE NORTH CAUCASUS DURING THE POST-REFORM PERIOD

The article regards the processes of different categories of colonists' migration to the North Caucasus region, which became an important force in the economic potential develop-

ment of the region. The role of Russian administration in creating conditions for drawing human resources to the North Caucasus has been discussed.

Keywords: colonization, resettlement movement, the Caucasian vicegerency.

Особенность колонизационного освоения Северного Кавказа в пореформенный период оказалась напрямую связанной с целым рядом факторов. Это и политическая ситуация в регионе, и социально-экономические процессы, происходившие на остальной части империи, и внешнеполитические обстоятельства.

Завершавшееся вооруженное противостояние с «непримиримой» частью горцев открывало возможность акцентировать внимание наместничества на преимущественно экономическом освоении края. Больше не нужно было тратить колоссальные средства на борьбу с набеговой экспансией.

Между тем проведение реформ, связанных с отменой крепостного права, появление в стране рынка свободных рабочих рук давали возможность привлекать на Кавказ необходимые для его капиталистического переустройства силы и средства. На развитие края продолжала оказывать влияние его изначально военно-казачья колонизация, которая во многом определила специфику развития региона.

Отмечено, что «до реформы 1861 года переселенческого движения как явления народной жизни в стране не существовало. Были переселения по вызову самого правительства» [12, с. 99]. В итоге к середине столетия преимущественно в Степном Предкавказье было расселено около 740 тыс. человек, большинство из которых были казаки. Им досталось примерно 13 млн. десятин земли [28, с. 43–44]. Казаки, постоянно отрываемые от хозяйственной деятельности служебными обязанностями, не могли эффективно заниматься сельским хозяйством, промыслами или торговлей. Неудивительно, что экономическое благосостояние региона зависело не от них, а от государственных крестьян. Важное значение имели и выходцы с территории Закавказья, преимущественно грузины и армяне. В их руках сосредоточивались торговые операции, различные ремесла и т. п.

Среди наиболее приоритетных территорий, которые охотно обживали устремившиеся на Северный Кавказ крестьяне, были земли между Кумой и Егорлыком. П. А. Шацкий убедительно показал тенденцию на увеличение численности населения в губернии в пореформенный период как за счет естественного прироста, так и за счет колонистов [30, с. 201].

По данным, приводимым В.М. Кабузаном, в Ставропольской губернии естественный прирост населения с 1861 по 1870 годы увеличился на 7,8%, а в 1871–1880 гг. — на 16,7%. В данный период Северный Кавказ по воспроизводству населения уступал лишь области Войска Донского. И эти показатели достигались преимущественно за счет Ставрополья и Кубанской области [10, с. 90].

Как и в предшествующий период, основной поток новоселов шел из Полтавской, Черниговской, Воронежской, Курской и Харьковской губерний. В источниках фиксируются и переселенцы из Орловской губернии. На новых землях они рассчитывали получить необходимый им надел, которого они были лишены на прежнем месте жительства. По крайней мере большинство колонистов указывало на эту причину своего переселения [16, с. 141].

А. В. Казначеев отмечает, что «перманентный поток переселенцев создавал надежный щит и опору империи в беспокойном окраинном регионе, обеспечивал благоприятный фон для усвоения местным туземным населением идей российской гражданственности. Именно стратегическими соображениями определялся ход колонизации Северо-Кавказского края, скорейшего вовлечения его в орбиту российской соци-

ально-политической и хозяйственно-культурной среды. Правительство стремилось, чтобы в Предкавказье было создано «прочное русское ядро», на основе которого шло дальнейшее освоение и развитие новоприобретенного региона» [12, с. 105].

В первое время львиная доля всех переселенцев из внутренних губерний на Северный Кавказ оседала в степных районах региона. Это объяснялось целым рядом обстоятельств, среди которых немалую роль играл свободный земельный фонд. Местные сельские общества, заинтересованные в рабочих руках, как правило, не создавали проблем при приписке к ним новых поселян. Казаки, не всегда имеющие возможность обрабатывать принадлежащую им землю, также охотно сдавали ее в аренду вновь прибывшим [16].

Если в дореформенный период государство на первых порах предоставляло новоселам определенные финансовые и налоговые преференции, то теперь от этой практики отказались. После приписки к новому месту жительства новопоселенцы должны были сполна рассчитываться с казной.

С конца 70-х годов XIX столетия случаи причисления новоселов к уже имеющимся поселениям становятся скорее исключением, чем правилом. Местные жители не желали принимать у себя переселенцев, что автоматически уменьшало их собственный надел земли. Это положило начало формированию на Северном Кавказе слоя иногороднего населения, численность которого постоянно увеличивалась. Эти люди не могли претендовать на собственный участок и оставались в лучшем случае арендаторами или наемными работниками.

Впрочем, говорить, что Северный Кавказ привлекал людей исключительно малоимущих, не совсем верно. Приемлемые арендные расценки на землю заинтересовали и крупных скотопромышленников, в частности, из Таврической губернии. Ставрополье становилось местом, где они содержали огромные отары своих тонкорунных овец.

Районы Терской области не обладали существенным фондом свободных земель. Почти 17% земли считалось неудобной, а 11,6% было занято лесом [14, с. 67–68]. Исследователи отмечают постоянную нехватку хлеба у казачества, которому традиционно приписывают «излишек» земли [7, с. 27]. Завершение вооруженного противостояния в регионе не освобождало казаков от службы, а потому многие из них не успевали сами обрабатывать причитающиеся им паи. Практиковалась сдача их в аренду иногородним крестьянам, которые готовы были платить за право пользования землей [26, с. 113]. Но с каждым годом арендная плата все увеличивалась, и многие крестьяне уже были не в состоянии оплатить ее.

Растущий поток переселенцев требовал принятия законодательной базы, которая регулировала бы этот процесс. Существовала реальная опасность превращения колонизации в стихийное и анархическое явление со всеми вытекающими отсюда последствиями. На это указывала специально созданная комиссия под председательством А. М. Дондукова-Корсакова, стремящаяся придать переселению организованные формы. Предполагалось использовать для желающих казенные и частновладельческие земли [14, с. 61–62]. Князь ставил вопрос о том, чтобы колонисты имели определенный достаток и владели имуществом на сумму не ниже 100 руб. В этом случае они не становились обузой для края и могли самостоятельно начинать вести хозяйство. Примечательно, что, продавая свою собственность на прежнем месте жительства, колонист не должен был получать деньги на руки. Ему выдавалась квитанция, на основании которой он уже на Кавказе получал причитающуюся ему сумму [8, с. 23].

Но, как показали дальнейшие события, решить проблему полностью так и не удалось. В одной только Ставропольской губернии к 1873 г. по официальным, явно заниженным данным незаконно находилось не менее 10 тысяч человек [25].

Катализатором переселенческого движения выступила Владикавказская железная дорога. Она не только облегчила сам процесс переезда на Кавказ, но и создала экономические предпосылки для успешной экономической адаптации новоселов. Как отмечалось в объяснительной записке к проекту Комиссии по преобразованию управления Кавказскими казачьими войсками, «оттого и замечается здесь то явление, что главная масса иногородних осела сначала в станицах, ближайших к линии железной дороги, и отсюда уже пошла расплываться дальше, группируясь там, где земля лучше и урожаи обильнее» [5].

Созданная в 1860 г. Кубанская область была слабо заселена, а потому остро нуждалась в рабочих руках. Отмечается, что «отмена крепостного права и окончание военных действий в Закубанье, а также ряд законов, особенно от 29 апреля 1868 года, разрешивший лицам невойскового сословия селиться и приобретать недвижимую собственность на казачьих землях, открыли широкие возможности для заселения Кубани переселенцам из других губерний России. На смену дореформенной, главным образом военно-казачьей колонизации края, которая только и могла закрепить кубанские земли за Россией в условиях ведущихся военных действий и регламентируемой правительством, был открыт путь для более мощного, объективно закономерного, но, в силу обстоятельств, принявшего стихийную форму процесса крестьянского заселения и экономического освоения Кубани. Существенно изменился сословный состав области» [12, с. 120]. Если в 1861 г. крестьянство не превышало здесь 1,3% общего числа населения (5243 чел.), то к 1881 г. крестьян уже было 30% (около 236,8 тыс. человек) [21, с. 337]. К концу столетия число крестьян превысило число казаков [19].

Впрочем, далеко не все из них реально способствовали росту экономического благосостояния края. Недаром «еще до издания общего переселенческого закона главнокомандующий гражданской частью на Кавказе князь А. М. Дондуков-Корсаков в своем отношении Военному министру от 5 декабря 1882 г., характеризуя поселившихся в конце 1860-х гг. в казачьих станицах иногородних из внутренних губерний России как разный сброд, просил пересмотреть положение от 29.04.1868 г. и запретить в дальнейшем поселение лиц невойскового сословия на казачьих землях без согласия станиц, разрешив высылать иногородних, отличающихся сомнительными качествами» [23, с. 140–141].

За период с 1861 по 1870 гг. естественный прирост населения Кубанской области увеличился на 21,3%. Если брать данные с 1865 по 1870 гг., это 42,6 тысяч человек. В последующем показатели в процентном отношении несколько сократились. С 1871 по 1880 гг. они исчислялись 17,6%. Но если брать сами цифры, то они стали больше — 126,2 тыс. [10, с. 90].

Важное значение придавалось колонизации Черноморского побережья. С этой целью 10 мая 1862 г. принимается «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». Заселить предполагалось земли от Геленджика до Туапсе. Раньше здесь располагались гарнизоны российских укреплений, но в годы Крымской войны их пришлось эвакуировать. Теперь сюда направлялись казаки из Кубанской области. Из них формировался Шапсугский пеший батальон. Первоначальная численность населения вновь учреждаемых 12 станиц должна была насчитывать 4157 человек обоего пола [2, с. 3–4]. В дальнейшем, к 1864 г., пространство, нуждающееся в контроле и заселении, еще более увеличилось и протянулось вплоть до границ Абхазии.

Уже дореволюционные авторы замечали, что при колонизации Причерноморья была допущена принципиальная ошибка. Сюда направляли не добровольцев, а людей провинившихся. Естественно, что такой «порочный» элемент оказался плохим хозяином

[29, с. 45–46]. Возможно, когда речь шла о военной необходимости, такая практика себя оправдывала, но теперь от колонистов ждали хозяйственной предприимчивости и инициативы, к чему подобный контингент был мало приспособлен.

Места для будущих поселений были определены по карте, а побывать на выбранных землях не удосужился ни один чиновник. В итоге, большинство станиц оказались размещены в малопригодных для жизни условиях. Начались болезни. Рождение детей уменьшилось, а их смертность достигала 100% [29, с. 51].

Исходя из уже имеющегося опыта, было решено переселять на новые места семейных солдат. За счет казны рядовым предоставлялась возможность перевозить своих близких на новое место жительства. Самих солдат стремились заинтересовать остаться на постоянном месте жительства на побережье за счет сокращения срока службы. Кроме того, им предлагался весьма существенный земельный надел, исчисляющийся 30 десятинами, что даже по местным меркам было весьма привлекательно.

Когда военные действия на Северо-Западном Кавказе окончательно завершились, колонизация побережья начала набирать обороты. В марте 1866 г. был создан Черноморский округ, который был разделен на три отдела: Новороссийский, состоявший из 15 селений, Сочинский — из 12 и Вельяминовский — из 13 селений. В них проживали 6971 человек. В последний год существования наместничества число поселений увеличилось и достигло 46. Этнический состав был следующим: русских — 3439, греков — 1377, черкесов — 1046, молдаван — 895, чехов — 735, армян — 430, немцев — 78, поляков — 14 душ обоего пола [2, с. 10–11].

В 1867 г. власти выступили с инициативой продать имеющиеся участки земли на территории от реки Туапсе до реки Мзымты. Но желающих приобрести здесь участок так и не нашлось, хотя они трижды выставлялись на аукцион. Лишь в 1871 г., когда изменились правила продажи земли, удалось реализовать эту казенную собственность в частные руки. Вырученные деньги предполагалось истратить на строительство путей сообщения, без которых дальнейшее освоение региона было невозможно [2, с. 15].

Порой решения по реализации прибрежных земель в частные руки доходили до абсурда. Например, в 1870 г. казенные земли были разыграны в благотворительную лотерею. Полученные средства должны были поступить заведениям, находящимся под личным покровительством княгини Ольги Федоровны. Билеты реализовывались на всей территории империи, и огромные участки, насчитывавшие до 500 десятин, попадали зачастую случайным людям. Они имели самое смутное представление о том, где находится доставшееся им «богатство». Добраться до места не было ни возможности, ни желания, а потому выигранные земли оставались заброшенными.

Для выработки оптимальной стратегии заселения побережья привлекались и академические круги. Так, в 1870 г. по запросу Петербургского университета профессор Советов разработал рекомендации, в которых, в частности, «предостерегал от создания крупных хозяйств, указывая, что он не знает ни одного примера в истории, где бы крупное землевладение, перенесенное в пустынную местность без всякой связи с местною рабочею силой, положило основание благоденствию края» [29, с. 55].

Частная инициатива долго не могла справиться с теми трудностями, которые возникли при освоении новых земель. По официальным данным, здесь числилось 103 владельца участков, но фактически собственное хозяйство имели лишь 25 из них. Но и эти, прямо скажем, не впечатляющие цифры уменьшились после того, как началась война с Турцией 1877–1878 гг. [2, с. 14].

Как показал опыт, раздача земли или ее дешевая продажа не привели к освоению

Черноморского округа. Из 90 тысяч десятин, числившихся за отдельными владельцами, реально обрабатывалось не более одного процента [9]. Отмечалось, что «вместо усиленного развития земельных участков на Черноморском побережье повсеместным явлением была земельная спекуляция — продажа «планов». Спекуляция земельными участками захватила в свою власть почти все население: временных и постоянных жителей. Богатые и бедные, культурные и простые люди мечтали об одном: купить задешево план (участок в 500 квадратных саженей) и перепродать его дорого. Прежде розданные крупные владения естественным порядком попадали в руки людей с большим общественным положением — людей, очень занятых (Ромер), очень высокостоящих, очень озабоченных другими интересами, а потому не имевших ни времени, ни охоты посвящать много внимания своим новым приобретениям…» [12, с. 135].

Между тем колонисты нуждались буквально во всем. Для удовлетворения их потребностей приходилось закупать различный инвентарь в Одессе, Таганроге и даже в Москве. Это, безусловно, удорожало освоение края, но наместничество шло на такие жертвы, так как иного выхода не было.

Государственная раздача хлеба оказывала негативное влияние на местное население. Привыкнув к бесплатному пайку, казаки прибрежных станиц даже пошли на откровенную аферу, чтобы продлить для себя получение зерна от казны. Они испортили семена и, когда приехала очередная комиссия для проверки возможности заниматься хлебопашеством, осуществили посев негодным материалом. В итоге еще целый год они пользовались казенной раздачей хлеба. Если бы информация о таких «проделках» не стала известна чиновникам наместничества, возможно, порочная практика длилась бы и дольше [1, с. 565].

Часть колонистов-казаков так и не смогла адаптироваться к новым для себя условиям. После того, как казенное содержание прекратилось, они покинули чуждую им землю и вернулись на равнину [17, с. 202]. Не удивительно, что у части исследователей звучали довольно пессимистичные нотки в оценке русской возможности колонизовать Кавказ [13, с. 342].

Впрочем, подобная ситуация была не повсеместной. Как отмечал профессор А. М. Краснов, дела новоселов были «совсем не так плохи, как можно было бы ожидать, ввиду поселения их в совершенно чуждой им стране при всей массе неблагоприятных условий. Некоторые оказались устроившимися даже заметно лучше окрестных поселков из иноплеменных элементов, что может служить доказательством успеха чисто русской колонизации» [18, с. 48–49].

Среди причин, отпугивающих потенциальных колонистов, было то, что от них ожидали скорой коренизации. Власти требовали обзаведения усадьбой в течение трех лет и обработки полученного надела по определенным правилам, в противном случае грозили изъять землю. Брать такие обязательства рисковал далеко не каждый. И даже когда в 1870 г. правила изменились и срок освоения надела был увеличен, далеко не все хотели брать на себя подобную ответственность [11, с. 46].

К числу организационных просчетов при наделении колонистов землями следует отнести отсутствие внятного межевания территории. Периодически вспыхивали споры вокруг границ того или иного надела. Доходило до того, что вложившие немало труда в участок люди вынуждены были в итоге покидать его, так как объявлялись законные владельцы данной земли [11, с. 52].

В 1878 г. в столичных городах прошла шумная пропагандистская кампания, направленная на привлечение желающих приобрести в собственность участки на Черноморском побережье Кавказа. О возможности стать обладателем участка в районе рек Бзыбь, Мзымта, Сочи и Белая писали «Московские ведомости», «Отечественные записки». Учитывая популярность этих изда-

ний, можно понять то внимание, какое уделяло правительство данной проблеме. Заявлялось, что собирается компания из ста человек, которые покупают 100 тысяч десятин земли, и они уже ведут переговоры с великим князем наместником. Но, увы, дальше разговоров и деклараций дело не пошло. Компаньоны хотели получить участки по бросовым ценам, а осваивать их — за счет казны. Между тем никто из них не собирался переселяться в край насовсем. Скорее прослеживалось стремление спекулятивно заработать на этой акции, в то время как Кавказу требовались «особые элементы, совершенно особенные характеры, характеры предприимчивые, стойкие и упорные, вроде тех, которые когда-то отправлялись на север из Новгорода, и которые занимали и расширяли бы русскую землю по направлению к востоку и югу» [11, с. 51].

В итоге была создана очередная комиссия, которая должна была выработать рекомендации по выходу из сложившейся плачевной ситуации. Инициатива исходила от помощника кавказского наместника Д. И. Святополка-Мирского. Официальным началом работы комиссии стало 2 февраля 1879 г. Возглавил ее статский советник М. Н. Герсеванов. Безусловным плюсом комиссии было то, что она состояла из специалистов самых разных ведомств и могла подготовить комплексное видение проблемы [2, с. 15].

Люди М. Н. Герсеванова проделали огромную работу. Они опросили местных жителей, собрали и проанализировали предложения по данному вопросу, после чего подготовили доклад для наместника.

Ознакомившись с итоговым документом, суть которого сводилась к тому, что затраченные на колонизацию средства никак не соответствуют имеющемуся результату, Михаил Николаевич решил командировать в Черноморский округ свое доверенное лицо — генерал-лейтенанта Д. С. Старосельского. Он должен был перепроверить сведения комиссии и высказать собственное мнение о ситуации в крае. Увы, и его доклад не вызывал оптимизма. Генерал подчеркивал, что местные дела нельзя признать удачными и «находящееся в округе население весьма малочисленно и среди окружающей его роскошной природы видит себя бедным материально и, так сказать, подавленным…» [2, с. 16]. Учитывая, что такой вывод был сделан в 1881 г., следует признать, что шаги властей оказались неэффективными и требовали кардинального пересмотра.

Но даже при такой пессимистичной оценке исследователи отмечают, что «основная цель заселения края в первоначальный период была достигнута. Население Черноморского округа увеличивалось и все больше укрепляло надежды тех, кто стремился, чтобы дело колонизации не потеряло своего смысла и цели, и, несмотря на неурядицы, постепенно в регионе создавалось «то прочное русское ядро», которое так ожидали и в которое так верили» [12, с. 153].

Еще одним колонизационным ресурсом стали иностранные переселенцы, которые рассматривались как культуртрегеры, способные своим примером увлечь прочих новоселов заниматься передовыми методами ведения хозяйства. Естественно, что в тех условиях предпочтение отдавалось людям христианского вероисповедания, так как правительство считало их политически благонадежными. Им предлагалось использовать «плоды своих трудов на улучшение своего благосостояния» [24].

Из Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Бессарабской губерний и Крыма на Северный Кавказ потянулись немецкие колонисты. Им по возможности оказывалась материальная поддержка, предоставлялась возможность самим выбирать место жительства. Немец-новосел получал внушительный надел размером от 30 до 65 десятин земли [20, с. 4–5].

Большинство немецких религиозных общин прибыли на Северный Кавказ добровольно. Но были и исключения. Речь идет о

секте штундистов, которых в административном порядке выселили с территории Украины. Местная администрация опасалась, что их взгляды тлетворно скажутся на настроениях славянского населения, и решила избавиться от подозрительных сектантов. На Кавказе они разместились в колониях на территории Ставропольской губернии.

Помимо немцев на Кавказе практиковалось расселение армян, греков, чехов, болгар, эстонцев и поляков. Они получали от казны по 30 десятин земли на одну семью и пользовались такими же возможностями, которые давало Положение от 10 марта 1866 г. для русских колонистов. По решению Тифлисской комиссии управление наместничества командировало «в Турцию агронома Хатисова для приглашения армян и греков селиться на побережье» [29, с. 52].

Их появление на Кавказе было вызвано разными причинами. Кто-то спасался от физического уничтожения, кто-то искал достатка, а кто-то, как и немцы, надеялся на веротерпимость российских властей. Два последних обстоятельства толкали, к примеру, на переезд чешских колонистов. Выходцы из Австро-Венгрии, они в рассматриваемый период основали в регионе поселения близ Туапсе, на территории Новороссийского округа, на Тамани [6, с. 20].

Главной мотивацией в переселении эстонцев на Кавказ была надежда получить здесь участок земли. Но, хотя власти максимально облегчили процесс переселения и свели бюрократические препоны к простому разрешению начальника Черноморского округа поселиться в этих краях, массового процесса колонизации не произошло. Даже к концу 80-х годов XIX в. здесь проживало менее 300 семейств [19, с. 62–68].

С 1861 г. начинается довольно активное переселение на Северный Кавказ греков. Они устремились к единоверцам, спасаясь от произвола турецких властей, и достаточно удачно адаптировались к условиям Черноморского побережья. Работая на плантациях и занимаясь рыболовством, греки обосновались недалеко от Анапы в станице Витязевской, затем основали селение Мерчан [3, с. 19]. Немало греков осело поблизости от Туапсе.

Власти наместничества обращались к желающим перебраться в Кавказские пределы России. Им гарантировалась земля и поддержка в первые годы адаптации. Но отважиться на переезд решались не многие. Так, по данным на 1871 г., в Кубанской области насчитывалось 798 греков, а в 1882 г. в Черноморском округе проживало 1377 человек [19, с. 57].

Помимо греков на Кавказ стали привлекать амшенских и трапезундских армян. В 1864 г. ими было основано селение Армянское Шапсухо, а еще через два года на Черноморское побережье прибыла сразу сотня семейств [13, с. 54]. Наместничество имело специальный денежный фонд в размере 10 000 рублей для оказания неотложной помощи переселенцам [27]. Спасая свои жизни от турецких погромов, которые проводило правительство Абдул-Гамида, армяне расселялись преимущественно на Черноморском побережье или в Майкопском отделе Кубанской области. Здесь они занимались различными ремеслами, торговлей и сельским хозяйством. Находясь в безвыходной ситуации, армяне стремились всячески продемонстрировать свою законопослушность и, как правило, не вызывали нареканий со стороны властей [4, с. 13].

Процесс российской колонизации Северного Кавказа привел к сложным социокультурным трансформациям в регионе. Автохтонное население должно было пережить болезненную ломку устоявшегося миропонимания, адаптироваться к новым условиям. Отмечается, что «создание единого социокультурного и политического пространства Российской Империи привело к тому, что социальные группы поменялись местами. Местное население, сохраняя значительную часть традиционной культуры, оказалось окруженным российским социальным пространством и теперь уже в большей

степени испытывало влияние, чем оказывало его само. Российская культура становится доминирующей. Пришлые группы, первоначально перенимавшие элементы местной культуры, теперь доминируют. Местное население оказывается в положении адаптантов в новом социокультурном пространстве» [23, с. 170]. Ситуация осложнялась еще и тем, что часть горского населения предпочла переселиться в Турцию, а их оставшиеся земляки долго колебались в выборе решения.

Российская администрация, не желая продолжения кровопролития, предложила им на выбор либо признать власть империи и переселиться в места на равнине, которые им назначались правительством, либо уехать к единоверцам-османам. Вот что говорил на встрече с черкесами Александр II: «Я хочу, чтобы ваши народы сохранились, чтоб они не бросали родных мест, чтобы они согласились жить с нами в мире и дружбе. Россия — большое государство, перед которым стоят великие задачи. Нам необходимо укрепить наши границы, приобрести моря для выхода к другим странам. Наша торговля должна идти с другими народами через моря. Мы не можем обойтись без Черного моря. Предлагаю дать ваше согласие на прокладку через ваши земли трех дорог к Черному морю: к Анапе, Новороссийску и Туапсе. Казна моя за это выплатит вознаграждение тем аулам, которым придется переселиться с территории, отведенной под эти дороги. Вы должны признать подданство русского царя, это не лишит вас национальной самобытности: вы будете жить и управляться по своим адатам, никто не будет вмешиваться в ваши внутренние дела. Администрация и суд будут из ваших выборных людей <…>. В этот решительный час я прошу вас понять неизбежность покорения русскими Кавказа и принять мои условия, при которых ваш народ сохранится в наибольшей целостности и будет иметь возможность жить и развиваться себе на пользу и благоденствие» [22].

Увы, далеко не все проявили благоразумие, и край опустел. Это заставило российскую администрацию прилагать огромные усилия по его колонизационному освоению, а переселенцы-мухаджиры потеряли свою Родину и подверглись ассимиляции на чужбине.

Представляется важным отметить тот факт, что российские власти старались удержать горцев от необдуманной эмиграции. От них требовали выплатить повинности сроком на десять лет, получить согласие сельского схода и разрешение турецкого правительства. Естественно, что такие экономические и бюрократические преграды затрудняли отъезд, но останавливали далеко не всех. Те же, кто остался, сыграли заметную роль в развитии края и смогли в целом удачно адаптироваться к новым для себя экономическим, политическим и культурным реалиям [15, с. 24].

Пореформенная колонизация Северного Кавказа была в большей степени вызвана экономическими факторами. Власть была заинтересована в создании здесь условий для хозяйственного роста, а потому привлекала дополнительные трудовые резервы — тем более, что центральные районы страны испытывали избыток населения. Администрация наместничества в тесном контакте с правительством подготовила соответствующую юридическую базу для данного процесса. Создавались благоприятные условия по привлечению в регион колонистов. Им предоставлялась материальная поддержка, налоговые преференции и т. п.

При этом не следует игнорировать и геополитическую мотивацию тех или иных колонизационных усилий властей. Россия была заинтересована в укоренении на Кавказе лояльного и верного контингента. Предпочтение отдавалось славянскому или, по крайней мере, христианскому населению. Те горцы, которые отказывались признать власть империи и жить по общегосударственным законам, получили возможность перебраться в Турцию. Оставшиеся рассе-

лялись в тех местах, где они могли контролироваться администрацией.

Следует признать, что далеко не все усилия властей оказались продуктивными. Зачастую затраченные средства не приносили ожидаемого результата. Примером может служить освоение Черноморского побережья, которое долгое время оставалось пустынным, несмотря на то, что были испробованы самые разные способы по привлечению сюда колонистов.

Тем не менее к концу работы наместничества в регионе уже имелись силы, которые были способны осваивать динамично развивающийся экономический потенциал этих мест.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васюков С. И.* Русская община на Кавказо-Черноморском побережье // Вестник Европы. 1905. №6. С. 565.
2. *Верещагин А. В.* Исторический обзор колонизации Черноморского прибрежья Кавказа и ее результат. СПб., 1885.
3. *Волкова Г. Н.* Греки Кавказа // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 2000. № 2.
4. *Волкова Р.* Армяне на Сочинском побережье // Краевед Черноморья, 1997. № 1.
5. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1527. Л. 14.
6. ГАКК. Ф.774. Оп. 1. Д. 124. Л. 139 об. 140.
7. *Емельянов О. Б.* Земледелие в казачьих станицах Восточного Предкавказья в первой половине XIX века. Георгиевск-Новопавловск, 2007. С.27.
8. Записка о настоящем положении Черноморского округа и о предложениях по будущему его устройству. Б.м., б.г. С. 23.
9. Записка о настоящем положении Черноморского округа… С. 10.
10. *Кабузан В. Н.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб., 1996.
11. Кавказский берег Черного моря // Отечественные записки. 1878. № 3. С. 46.
12. *Казначеев А. В.* Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.). Пятигорск, 2005.
13. *Кауфман А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905.
14. *Кашежева Г. М.* Некоторые вопросы переселенческого движения в Терскую область в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981.
15. *Ктиторов С. Н.* Этномифология, ведущая в никуда // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара) / Под ред. В. Б. Виноградова. М.; Армавир, 2009.
16. *Куприянова Л. В.* Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М., 1981.
17. *Марков Е. В.* Побережье Кавказа // Русский вестник. 1892. № 7.
18. *Матвеев О. В., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н.* Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 48–49.
19. *Матвеев О. В., Ракачев В.Н., Ракачев Д. Н.* Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 49.
20. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII — середина XX века): Сб. документов. Ставрополь, 2002.
21. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. С. 337.
22. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. С. 264–265.
23. *Ракачев Д. Н.* Местное и пришлое население на Северо-Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: Дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2006.
24. РГИА. Ф. 1268. Оп. 16. Д. 12. Л. 562.
25. РГИА. Ф.1291. Оп.53. Д.116. Л.2.
26. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881.
27. *Тверитинов И. А.* Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX — первой половине XX в. Сочи, 2000.

28. *Фадеев А. В*. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

29. Черноморское побережье Кавказа / Сост. В. П. Доброхотов / Под ред. Н. И. Воробьева. Краснодар, 2009. С. 45–46.

30. *Шацкий П. А*. Заселение Ставрополья после реформ 1861 года и положение крестьян-переселенцев // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1964. Вып. 11.

REFERENCES

1. *Vasjukov S. I.* Russkaja obshchina na Kavkazo-Chernomorskom poberezh'e // Vestnik Evropy. 1905. № 6. S. 565.

2. *Vereshchagin A. V*. Istoricheskij obzor kolonizacii CHernomorskogo pribrezh'ja Kavkaza i ee rezul'tat. SPb., 1885. S. 3–4.

3. *Volkova G. N*. Greki Kavkaza // Bjulleten' Tsentra sodejstvija razvitiju i pravam rasovyh, jetnicheskihi lingvisticheskih men'shinstv. Krasnodar, 2000. № 2. S.19.

4. *Volkova R*. Armjane na Sochinskom poberezh'e // Kraeved Chernomor'ja, 1997. № 1. S. 13.

5. GAKK. F. 318. Op. 2. D. 1527. L. 14.

6. GAKK. F.774. Op. 1. D. 124. L.139 ob. 140.

7. *Emel'janov O. B.* Zemledelie v kazach'ih stanitsah Vostochnogo Predkavkaz'ja v pervoj polovine XIX veka. Georgievsk-Novopavlovsk, 2007.

8. Zapiska o nastojashchem polozhenii Chernomorskogo okruga i o predlozhenijah po buduwemu ego ustrojstvu. B.m., b.g. S.23.

9. Zapiska o nastojashchem polozhenii Chernomorskogo okruga… S. 10.

10. *Kabuzan V. N*. Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekah. Etnostatisticheskoe issledovanie. SPb., 1996.

11. Kavkazskij bereg Chernogo morja // Otechestvennye zapiski. 1878. № 3. S. 46.

12. Kaznacheev A.V. Razvitie severokavkazskoj okrainy Rossii (1864–1904 gg.). Pjatigorsk, 2005.

13. *Kaufman A*. Pereselenie i kolonizacija. SPb., 1905.

14. *Kashezheva G. M*. Nekotorye voprosy pereselencheskogo dvizhenija v Terskuju oblast' v poreformennyj period // Iz istorii feodal'noj Kabardy i Balkarii. Nal'chik, 1981. S. 67–68.

15. *Ktitorov S. N.* Etnomifologija, vedushchaja v nikuda // Rossijskij Severnyj Kavkaz: tekushchie riski, posjagatel'stva i perspektivy (Materialy 13-go nauchno-pedagogicheskogo seminara) / Pod red. V. B. Vinogradova. M.:]; Armavir, 2009.

16. *Kuprijanova L. V*. Goroda Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XIX veka. M., 1981.

17. *Markov E. V*. Poberezh'e Kavkaza // Russkij vestnik. 1892. № 7.

18. *Matveev O. V., Rakachev V. N., Rakachev D. N*. Etnicheskie migracii na Kubani: istorija i sovremennost'. Krasnodar, 2003. S. 48–49.

19. *Matveev O. V., Rakachev V. N., Rakachev D. N*. Etnicheskie migracii na Kubani: istorija i sovremennost'. Krasnodar, 2003. S. 49.

20. Nemetskoe naselenie Severnogo Kavkaza: sotsial'no-ekonomicheskaja i religioznaja zhizn' (poslednjaja chetvert' XVIII — seredina XX veka): Sb. dokumentov. Stavropol', 2002.

21. Ocherki istorii Kubani s drevnejshih vremen po 1920 g. Krasnodar, 1996. S. 337.

22. Ocherki istorii Kubani s drevnejshih vremen po 1920 g. Krasnodar, 1996. S. 264–265.

23. *Rakachev D. N*. Mestnoe i prishloe naselenie na Severo-Zapadnom Kavkaze v XIX veke: protsessy sotsial'nogo vzaimodejstvija. Dis. … kand. ist. nauk. Krasnodar, 2006.

24. RGIA. F. 1268. Op. 16. D. 12. L. 562.

25. RGIA. F.1291. Op. 53. D. 116. L. 2.

26. Statisticheskie monografii po issledovaniju stanichnogo byta Terskogo kazach'ego vojska. Vladikavkaz, 1881. S.113.

27. *Tveritinov I. A*. Social'no-ekonomicheskoe razvitie Sochinskogo okruga vo vtoroj polovine XIX — pervoj polovine XX v. Sochi, 2000.

28. *Fadeev A. V.* Ocherki jekonomicheskogo razvitija Stepnogo Predkavkaz'ja v doreformennyj period. M., 1957.

29. Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza / Sost. V. P. Dobrohotov / Pod red. N. I. Vorobjeva. Krasnodar, 2009. S. 45–46.
30. *Shatskij P. A*. Zaselenie Stavropol'ja posle reform 1861 goda i polozhenie krest'jan-pereselentsev // Materialy po izucheniju Stavropol'skogo kraja. Stavropol', 1964. Vyp. 11.

Е. Н. Лисицына

СОВЕТСКИЙ ЭКСПОРТ НЕФТИ И «ПЛАН МАЦУКАТА»

Статья посвящена малоизвестному договору, подписанному между СССР и Японией в 1932 году о продаже в Японию советской нефти и нефтепродуктов.

Ключевые слова: переизбыток нефти, пакт о ненападении, советско-японский договор, ценовая война.

E. Lisitsina

SOVIET OIL EXPORT AND «MATSUKATA PLAN»

The article regards a contract, known to the few, signed between the USSR and Japan in 1932 year about selling Soviet oil to Japan.

Keywords: oil excess, non-aggression pact, the Soviet-Japanese contract, price war.

В начале 20-х годов XX века экспорт нефти и нефтепродуктов являлся одной из важнейших статей, позволявших Советскому Союзу получать существенные валютные доходы. Однако начавшийся в 1929 году экономический кризис привел к резкому падению спроса на нефть, чем вызвал сокращение ее мировой добычи в период с 1929 по 1932 годы на 17% (без СССР). В Советском Союзе за эти же годы добыча нефти, наоборот, выросла на 56,5%, причем объемы ее добычи на 3 млн т превышали возможности переработки [9, с. 140]. Чтобы избавиться от излишков сырья, Советский Союз был готов продавать их по демпинговым ценам, что вызвало большую озабоченность США и стран-участниц Международного нефтяного картеля, объединявшего семь крупнейших нефтяных трестов (в литературе их иногда называют «Семь Сестер»), проводивших согласованную ценовую политику.

Для разрешения сложившейся ситуации 16 мая 1932 г. в Нью-Йорке открылась 1-я Международная нефтяная конференция, основным вопросом которой стал экспорт советской нефти. В ходе работы конференции представители английских и американских нефтяных компаний предложили Советскому Союзу отказаться от самостоятельных действий на мировом рынке и выразили готовность закупать у СССР годовой объем экспорта нефти в течение 10 лет по фиксированной цене. Советская сторона от предложенных условий отказалась — ее не устраивала квота закупки нефти — 5 млн т [9, с. 140]. На тот момент СССР имел возможность увеличения объема экспорта нефти, что было связано с подписанием советско-японского соглашения, получившего название «План Мацуката».

Япония давно обратила внимание на советскую нефть. Еще в 1925 г. между нею и Советской Россией был заключен концессионный договор на добычу и поставку сахалинской нефти. Договор облегчал, однако полностью не покрывал потребности Японии в «черном золоте». Это обстоятельство